

Роман о любви, которая длится всю жизнь...

Николас
СПАРКС

Ночи в Роданте

Романтика любви

Николас Спаркс

Ночи в Роданте

«АСТ»

2002

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44

Спаркс Н.

Ночи в Роданте / Н. Спаркс — «АСТ», 2002 — (Романтика любви)

Трогательная история о надежде, мечте о счастье — и, конечно, о любви! О любви, которая может настичь неожиданно, когда в нее уже не веришь. О любви, которая продлится всю жизнь — и станет ее смыслом. Лишь несколько дней прожили одинокие мужчина и женщина в маленьком пустом курортном отеле, но эти дни раз и навсегда изменили для них все!..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84 (7Coe)-44

© Спаркс Н., 2002
© АСТ, 2002

Содержание

От автора	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	13
Глава 4	20
Глава 5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Николас Спаркс

Ночи в Роданте

Лэндону, Лекси и Саванне

Nicholas Sparks

NIGHTS IN RODANTHE

© Nicholas Sparks Enterprises Inc., 2002

© Перевод. А. Ахмерова, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

От автора

Как и все мои книги, «Ночи в Роданте» никогда бы не были написаны без поддержки и помощи моей жены Кэти.

Эта книга посвящается троим из моих детей, но я хочу поблагодарить и Майлса с Райаном (которым посвящено «Послание в бутылке»). Ребята, я вас люблю!

Особое спасибо Терезе Парк и Джейми Рааб, моим агенту и редактору. Они обладают прекрасным литературным вкусом и не позволяют мне работать спустя рукава. Иногда мне кажется, что они чересчур требовательны, но все-таки своим успехом мои романы обязаны именно им. Книги, получившие их одобрение, всегда нравятся читателям.

Не могу не поблагодарить Ларри Кишбаума и Морин Иген из издательства «Уорнер букс». Приезжая к ним в Нью-Йорк, я всегда чувствую себя как дома.

Денис ди Нови, продюсер фильмов «Послание в бутылке» и «Спеши любить», не просто талантливый профессионал, это обаятельная женщина, которая пользуется моим уважением и доверием. Она настоящий друг и заслуживает бесконечной благодарности за то, что сделала для меня и продолжает делать.

Ричард Грин и Хоуи Сандерс, мои агенты в Голливуде, отлично знают свое дело. Спасибо вам, ребята!

Спасибо Скотту Швимеру, другу и адвокату, который защищает мои права и интересы.

Что касается рекламы, хочу поблагодарить Дженифер Романелло, Эмили Багатилья и Эдну Фарли; Флэга и остальных за дизайн обложки, Кортни Валенти и Лоренцо ди Бонавентура из «Уорнер бразерс», Ханта Лаури и Эда Гейлорда II из «Гейлорд филмз», Марка Джонсона и Линн Харрис из «Нью лайн синема»; со всеми было так приятно работать. Спасибо огромное!

Мэнди Мур и Шэйн Уэст прекрасно потрудились над «Памятной прогулкой», и я очень ценю их помощь в создании этой книги.

И конечно же, спасибо моим родственникам (не обижайтесь, если кого-то забыл): Мику, Кристин, Элли и Пэйтон; Бобу, Дебби, Коуди и Коулу; Майку и Парнелл, Чарльзу, Генриетте и Гленаре, Дьюку и Мардж; Диане и Джону; Монте и Гейл; Дэну и Сэнди, Джеку, Карлин, Джо, Элейн и Марку, Лемонту и Мишель, Полу, Джону и Кэролайн; Тиму, Джоан и папе Полу.

И разве я могу забыть Пола и Адриану?

Глава 1

Три года назад, теплым ноябрьским утром 1999 года, Адриана Уиллис снова приехала в эту гостиницу и поначалу решила, что здесь ничего не изменилось. Крыльцо было недавно покрашено, а жалюзи, похожие на клавиши пианино, скрывали зашторенные белыми занавесками окна обоих этажей. Цвет кедровой обшивки напоминал о талом снеге. По обеим сторонам гостиницы приветственно покачивался на ветру тростник, а высокая дюна каждый день принимала новую форму – ветер то и дело переносил песчинки с одного места на другое.

Облака заволокли солнце, и казалось, мглу пронзают отдельные капельки света. На секунду Адриане почудилось, что она вернулась в прошлое, но, присмотревшись к дому повнимательнее, она увидела то, что невозможно скрыть косметическим ремонтом, – гниль по углам окон, ржавые пятна на крыше и сточных желобах... Гостиница потихоньку умирала. Адриана отдавала себе отчет, что тут ничего не поделаешь, и все же зажмурилась, пытаясь представить, как здесь было раньше.

За месяц до своего шестидесятилетия Адриана стояла в кухне своего дома. Она только что повесила трубку после разговора с дочерью. Присев за стол, Адриана стала вспоминать последний визит в гостиницу и долгий отпуск, навсегда изменивший ее жизнь. Немало лет прошло с тех пор, но Адриана по-прежнему верила, что только любовь может сделать женщину счастливой.

За окном шел дождь. Негромкий стук капель по стеклу навевал нечто похожее на ностальгию. Ностальгию часто романтизируют, а воспоминания Адрианы были и без того романтичны. Делиться ими ни с кем не хотелось. Они принадлежали только ей и с годами превратились во что-то вроде экспоната в музее, где она была и смотрительницей, и единственным посетителем. Как ни странно, Адриане казалось, что за те пять дней она узнала больше, чем за всю жизнь.

Адриана была в доме одна. Дети выросли, отец умер в 1996-м, а с Джеком она развелась семнадцать лет назад. Время от времени сыновья пытались кого-нибудь ей подыскать, однако она была против. Не то чтобы Адриана сторонилась мужчин; она даже сейчас частенько ловила себя на том, что заглядывается на молодых людей. Некоторые выглядели чуть старше ее собственных сыновей, и ей было любопытно, что они подумают, если заметят, как она на них смотрит. Отвергнут с презрением или, наоборот, сочтут ее интерес лестным? Адриана не знала. Не знала она и того, смогут ли эти парни увидеть за сединой и морщинами миловидную женщину, которой она когда-то была.

Возраст ее не тяготил. Сейчас люди постоянно говорят о радостях юности, но Адриана не желала бы помолодеть. Зрелость – еще куда ни шло, а вот молодость – нет! Естественно, ей хотелось бы быстро взбегать вверх по ступенькам, легко поднимать тяжелые пакеты в супермаркете, резвиться с внуками в саду, однако она без колебаний обменяла бы любую из этих привилегий юности на опыт, который приобрела с годами. Если честно, оглядываясь на прожитые годы, она не хотела бы изменить ничего, даже ради того, чтобы сейчас спокойно спать по ночам.

Кроме того, у молодости свои проблемы. Адриана вспоминала собственную юность и взросление своих детей, как они боролись с проблемами подросткового возраста, а потом со страхами и неуверенностью молодости. Даже теперь, когда всем им около тридцати, она частенько решала их проблемы.

Мэтту – тридцать два, Аманде – тридцать один, а Дэну недавно исполнилось двадцать девять. Они окончили колледж, чем Адриана очень гордилась, потому что всем троим учеба давалась довольно тяжело. Дети выросли честными, добрыми, самодостаточными – какими

и хотела их видеть Адриана. Мэтт работал бухгалтером, Дэн – спортивным комментатором вечерних новостей в Гринвиле. Оба сына давно обзавелись семьями. Когда они приезжали на День благодарения, Адриана сидела во главе стола, смотрела, как они суетятся вокруг своих детей, и гордилась тем, какими выросли сыновья.

С дочерью все было сложнее.

Когда Джек их оставил, детям исполнилось четырнадцать, тринадцать и одиннадцать соответственно. Каждый переживал развод родителей по-своему. Мэтт с Дэном выплескивали агрессию на спортивных площадках и порой хулиганили в школе. А для Аманды уход отца стал настоящим испытанием, тем более что он совпал с периодом взросления. Девочка начала одеваться в то, что казалось Адриане лохмотьями, попала в сомнительную компанию, гуляла допоздна и за два года успела сменить не меньше десяти мальчиков. После школы Аманда запиралась в комнате, слушая музыку, от которой дрожали стены, и часто отказывалась выйти к ужину. Иногда она неделями не разговаривала ни с матерью, ни с братьями.

Через несколько лет Аманда успокоилась и характером стала очень похожа на Адриану. В колледже она встретила Брента, после получения диплома вышла за него замуж. Вскоре у них родились двое детей. Как и все молодожены, Брент и Аманда часто ссорились, однако зять Адрианы оказался намного благоразумнее ее мужа. Сразу после рождения первого ребенка он застраховал свою жизнь на весьма крупную сумму. Супруги думали, что страховка – просто мера предосторожности и воспользуются ею они еще очень не скоро.

Это была ошибка.

Восемь месяцев назад Брент умер от рака предстательной железы. Адриана видела, что дочь впала в депрессию. А вчера, когда она отвезла внуков домой, проведя с ними целый день, то заметила, что шторы на всех окнах опущены, на крыльце по-прежнему горит свет, а сама Аманда, одетая в махровый халат, сидит в гостиной с тем же отсутствующим выражением лица, какое появилось у нее в день похорон мужа.

Именно тогда Адриана решила, что пора рассказать Аманде о своем прошлом.

* * *

Как давно это было! Четырнадцать лет назад!

За все эти годы Адриана рассказала о произошедшем только одному человеку, отцу, но он мертв и унес тайну в могилу.

Мать умерла, когда Адриане было тридцать четыре. У них складывались неплохие отношения, но Адриане всегда был ближе отец. Ей казалось, что он единственный, кто мог ее понять. Теперь, когда отца не стало, Адриана очень скучала по нему. Жизнь отца мало чем отличалась от жизни других людей его поколения. После школы он стал учеником на заводе, где и проработал сорок лет, получая скромное жалованье, ежегодно увеличивавшееся на несколько долларов. Отец носил войлочную шляпу даже летом и каждый день, захватив обед в жестяной коробке, выходил из дома без четверти семь, чтобы пройти полторы мили до завода пешком.

Вечерами отец облачался в теплый пуловер и вельветовые брюки, которые с годами все сильнее вытягивались на коленях. Ему нравилось сидеть при свете старой лампы и читать приключенческие романы и книги о Второй мировой войне. В последние годы жизни, до того, как начались приступы болезни, благодаря старомодным очкам, кустистым бровям и морщинистому лицу он стал больше походить на преподавателя колледжа, чем на рабочего.

Облик отца излучал спокойствие и умиротворение, которое Адриане очень хотелось перенять. Наверное, из него мог бы получиться неплохой священник. Всякий, кто его встречал, тут же понимал – этот человек живет в мире с собой и окружающими. Отец Адрианы умел слушать – подперев подбородок рукой, он смотрел в глаза собеседнику, а его лицо

выражало сочувствие и терпение, радость или грусть. Как жаль, что он не в силах утешить Аманду! Ведь он сам потерял жену, и внучка наверняка бы прислушалась к его словам.

Месяц назад Адриана пыталась побеседовать с дочерью. Она говорила очень осторожно, стараясь обходить острые углы, но Аманда в гневе выскочила из-за стола.

– У нас все было по-другому, не так, как у вас с папой! Вы не сумели найти общий язык, потому и развелись. А вот я любила Брента, люблю и буду любить всегда! Я потеряла его! Тебе никогда не понять того, что я сейчас переживаю!

Адриана промолчала, но когда Аманда вышла из комнаты, опустила голову и прошептала одно-единственное слово: «Роданте».

* * *

Адриана очень жалела дочь, однако еще больше беспокоилась из-за внуков, детей Аманды. Макс исполнилось шесть, а Грегу – четыре. Мальчики сильно изменились за последние восемь месяцев – оба притихли и замкнулись в себе. Даже в футбол не играли! Макс хорошо учился, и все же каждое утро уходил в школу со слезами. Грег снова стал мочиться в постель и при малейшем поводе закатывал истерику. Адриана понимала, что малыши остро переживают смерть отца, а депрессия Аманды еще более ухудшает ситуацию.

Благодаря страховке дочь могла не работать. Тем не менее первые два месяца после смерти Брента Адриана ежедневно бывала в доме дочери, проверяя счета и занимаясь внуками, пока Аманда рыдала в своей комнате. Адриана старалась поддерживать дочь, внимательно слушала, когда той хотелось выговориться, настаивала, чтобы Аманда выходила из дома по крайней мере на пару часов, надеясь, что свежий воздух вернет ее к жизни.

Некоторое время казалось, что дочь идет на поправку. К началу лета Аманда снова начала улыбаться, сначала – изредка, потом все чаще и чаще. Она уже несколько раз вывозила мальчиков в город покататься на роликах. Адриана стала потихоньку передавать дочери обязанности, которые все эти месяцы брала на себя. Повседневные заботы помогают отключиться от тяжелых мыслей – сама она усвоила это давно, и теперь, стараясь поменьше вмешиваться в жизнь дочери, надеялась, что та тоже это поймет.

Но в августе, за день до седьмой годовщины свадьбы, Аманда открыла шкаф в спальне и, увидев пыль, собирающуюся на костюмах Брента, опять замкнулась в себе. Нельзя сказать, что ей стало хуже, иногда она держалась так, будто сумела справиться с бедой, однако большую часть времени была безразличной ко всему. Аманда не радовалась, не грустила, не скучала, не веселилась, отгородившись от окружающего мира. И Адриане казалось: дочь решила, что, пытаясь справиться со случившимся, она предает Брента.

Это было несправедливо по отношению к детям. Они нуждались в любви, заботе и внимании. Отца они уже потеряли и с трудом с этим справлялись. А в последнее время Адриана все чаще думала о том, что мальчики потеряли не только отца, но и мать.

Адриана вошла в освещенную мягким светом ламп кухню и взглянула на часы. По ее просьбе Дэн взял Макса и Грега в кино. Ей хотелось провести вечер с Амандой. Братья тоже беспокоились о Максе и Грее. Они старались участвовать в жизни мальчиков, и все их беседы с матерью в последнее время сводились к одному вопросу: «Что нам делать?».

Сегодня Дэн снова задал этот вопрос, и Адриана пообещала поговорить с дочерью. Дэн скептически поджал губы – а чем они занимались раньше? – но мать была уверена, что в этот вечер все будет иначе.

Адриана не испытывала иллюзий по поводу своих детей. Конечно, они любили ее и уважали как мать, но знали ли они ее по-настоящему? В их глазах она была доброй, славной и все же совершенно заурядной особой из прошлого века, не разбирающейся в тонкостях

современной жизни. Что говорить, выглядела Адриана соответственно – на руках проступили вены, осиная талия давно исчезла, а стекла очков с каждым годом становились толще. Но когда она ловила на себе снисходительный взгляд одного из сыновей, то с трудом сдерживалась, чтобы не рассмеяться.

Отчасти их ошибка заключалась в желании видеть ее такой, какой им хочется, – сложившийся образ, подходящий для женщины ее лет. Естественно, детям легче и удобнее считать мать степенной, уравновешенной, флегматичной матроной, чем непредсказуемой и дерзкой особой, которая может сделать что угодно.

Зная, что дочь придет с минуты на минуту, Адриана достала из холодильника бутылку «Пино гриджио». За день дом немного остыл, и она подняла температуру на термостате.

Спальня, которую они когда-то делили с Джеком, теперь принадлежала ей одной. Со времени развода Адриана дважды устраивала перепланировку. Она подошла к кровати с пологом – о такой она мечтала с юности. Из-под кровати Адриана достала небольшую шкапулку.

В шкапулке хранились ее сокровища: записка Пола, его снимок и письмо, которое она получила за несколько недель до Рождества. Еще там лежали две стопки писем, а между ними – полосатая ракушка.

Адриана отложила записку, вытащила из стопки один из конвертов, вспоминая, что чувствовала, когда его получила, и вынула послание. За годы бумага стала тонкой и ветхой, а чернила выцвели, однако слова виднелись по-прежнему отчетливо.

«Дорогая Адриана!

Я никогда не умел писать письма, поэтому прости, если что-то не так. Представляешь, до больницы я доехал на осле! Оправдались худшие мои ожидания – не хватает абсолютно всего: лекарств, аппаратуры, даже коек! Я говорил с главврачом и надеюсь решить хотя бы часть проблем. Здесь есть генератор для выработки электроэнергии, но ни одного телефона, так что позвонить смогу только из Эсмеральдаса. Он в двух днях езды отсюда, а следующая поездка намечается не раньше, чем через две-три недели. Конечно, очень жаль, хотя, кажется, мы оба предполагали, что все так получится.

Марка я еще не видел. Его послали в маленькую горную деревню, и вернется он не раньше сегодняшнего вечера. Не знаю, как у нас все сложится, буду держать тебя в курсе. Естественно, легко мне не будет. Как ты говорила, нужно привыкнуть друг к другу, прежде чем мы сможем решить наши проблемы.

Сколько пациентов сегодня осмотрел, сказать не могу. Кажется, больше сотни. Давно не видел таких тяжелых больных! Сестра мне очень помогала, иногда она кажется более уверенной, чем я. Похоже, она рада моему появлению.

С тех самых пор, как уехал, постоянно думаю о тебе и изумляюсь, что мне встретился такой человек. Знаю, мой путь еще не завершен. Он будет долгим и извилистым, и все же надеюсь, что в конце концов найду свое место.

Впрочем, сейчас я уверен, что мое место рядом с тобой. И в машине, и в самолете я представлял себе, что когда прилечу в Кито, ты будешь меня встречать. Я знал, что это невозможно, но так было легче смириться с разлукой. Кажется, я забрал с собой в Эквадор частицу тебя.

Хочется верить, что это так. Нет, я не сомневаюсь: так и есть! До того, как мы встретились, я не понимал, ради чего живу, а ты помогла мне снова найти себя. Мы оба знаем, зачем я приехал в Роданте, и я думаю, наша встреча была угодна каким-то высшим силам. Мне хотелось забыть прошлое и найти новый смысл жизни. Теперь-то я понимаю, что искал тебя, такую, как ты, я искал всю жизнь! Тепло твоей души живет во мне и сейчас.

Нам обоим известно, что мне придется пробыть здесь некоторое время. Точно не знаю, когда вернусь, и хотя мы расстались совсем недавно, я скучаю по тебе, как еще никогда ни по кому не скучал. Иногда мне хочется сесть на первый же самолет и полететь к тебе... Но если наше чувство такое сильное, как мне кажется, то не страшна никакая разлука. Я вернусь, обещаю! Всего за несколько дней мы пережили то, о чем другие могут только мечтать. Считаю дни до нашей встречи! Не забывай, как сильно я тебя люблю.

Пол».

Адриана отложила письмо и взяла ракушку, которую они с Полом нашли на пляже воскресным вечером много лет назад. Она все еще пахла морем, а также чем-то диким и первобытным. Ракушка была средних размеров, идеальной формы, без единой трещинки, – такую нечасто найдешь на пляже. Адриана тогда сразу решила, что это – талисман и поднесла ее к уху, заявив, будто слышит шум океана. Пол рассмеялся и сказал, что тоже слышит океан. Потом он крепко ее обнял и прошептал: «Начался прилив! Ты что, не заметила?»

Адриана провела пальцами по другим сокровищам, отбирая те, что понадобятся для разговора с Амандой. Жаль, что у нее так мало времени! Ладно, как-нибудь потом.

Дочь придет с минуты на минуту.

Глава 2

Адриана была на кухне, когда услышала, как хлопнула входная дверь. Через секунду в гостиную вошла Аманда.

– Мама?

Адриана поставила шкатулку на кухонный стол.

– Я здесь! – отозвалась она.

Распахнув дверь, на кухню влетела Аманда и увидела мать, сидевшую за столом, с непочатой бутылкой вина перед ней.

– Что происходит? – спросила Аманда.

Адриана улыбнулась, подумав, как красива ее дочь. Каштановые волосы, карие глаза, высокие скулы. Аманда была чуть ниже матери, зато очень стройна, держалась с достоинством и двигалась как танцовщица.

– Хочу с тобой поговорить, – начала Адриана.

– О чем?

Вместо ответа Адриана показала на стул:

– Может, присядешь?

Аманда присела. Адриане показалось, что дочь еще больше похудела и осунулась. Мать осторожно пожала ее тонкую руку и нехотя отпустила, повернувшись к окну. На кухне воцарилась тишина.

– Мама, у тебя все в порядке? – наконец спросила Аманда.

Адриана прикрыла глаза и кивнула:

– Все в порядке, просто не знаю, с чего начать.

Аманда насторожилась:

– Снова обо мне? Если хочешь опять...

Адриана перебила ее нетерпеливым жестом:

– Нет, речь пойдет обо мне. Хочу рассказать кое о чем, что случилось четырнадцать лет назад.

Аманда кивнула, и Адриана неторопливо начала рассказ.

Глава 3

Роданте, 1988 год

Серым пасмурным утром Пол Фланнер вышел из адвокатской конторы. Застегнув куртку, он прошел к взятой напрокат «тойоте-камри» и сел за руль. Жизнь, которую Пол вел двадцать пять лет, закончилась сегодня, когда он поставил подпись под договором купли-продажи.

Был январь 1988 года, и за два последних месяца Пол продал обе машины, медицинскую практику, а сегодня – дом.

Он не знал, какие чувства его охватят после продажи, но сейчас, поворачивая ключ зажигания, думал лишь о том, что дело сделано. Сегодня утром он в последний раз обошел дом, комнату за комнатой, надеясь, что в памяти всплывут сцены из прошлого. Хотелось увидеть елку и своего маленького сына, неслышно спускающегося по лестнице, чтобы скорее увидеть, что принес Санта. Он думал, что почувствует запах индейки, а потом – жаркого, которое Марта готовила по воскресеньям, и услышит голоса друзей в гостиной, где они с женой любили устраивать вечеринки.

Пол переходил из комнаты в комнату, то и дело останавливаясь, но почему-то никакие воспоминания не приходили. Он понял, что дом похож на пустую раковину, и в очередной раз изумился, почему так долго здесь жил.

Фланнер выехал со стоянки и не спеша направился к магистрали, связывающей два штата. Через двадцать минут он свернул на семидесятое шоссе, двухрядную дорогу, убегающую на юго-восток вдоль побережья Северной Каролины. На заднем сиденье лежали две большие сумки с вещами, на переднем – авиабилеты и паспорт, а в багажнике – небольшая аптечка и набор инструментов, которые его просили привезти.

Тяжелое небо было серо-белым – зима решительно вступила в свои права. Утром целый час лил дождь, а теперь подул северный ветер, от которого казалось еще холоднее и неуютнее. Движение на шоссе было не очень интенсивным, и несколько миль Пол проехал с превышением скорости, размышляя о том, что произошло утром.

Бритт Блакерби, адвокат Пола, в последний раз попытался его отговорить. Они дружили много лет, а шесть месяцев назад, когда Фланнер впервые поделился планами, Блакерби подумал, что он шутит, и рассмеялся. «Ну ты придумал!» – не мог успокоиться адвокат. Лишь взглянув через стол на ставшее серым лицо друга, Бритт понял – тот не шутит.

Естественно, Пол подготовился к разговору. Он всегда заранее обдумывал, что скажет, а на этот раз протянул приятелю три аккуратно напечатанных листа с примерными ценами и условиями контракта. Бритт долго читал, а потом поднял глаза.

– Это из-за Марты? – спросил он.

– Нет, она тут ни при чем.

Пол включил климат-контроль и стал греть пальцы у вентилятора. В зеркале заднего обзора мелькали небоскребы Роли, и он спросил себя, когда увидит их снова.

Дом Пол продал семье молодых медиков. Муж служил старшим администратором в компании «Глаксо», а жена считалась хорошим психологом. Они осмотрели дом в тот же день, когда его выставили на продажу, и всего через двенадцать часов пришли снова, чтобы обсудить окончательную цену и детали.

Пол не был удивлен. Когда покупатели появились во второй раз, он целый час водил их по комнатам, показывая то, чем когда-то гордился. Несмотря на их попытки скрыть эмоции, Пол быстро понял, что дом им понравился. Он показал, как включается сигнализация и открываются ворота, назвал имя ландшафтного дизайнера и продиктовал телефон по обслу-

живанию бассейна, объяснил, что мрамор для пола в прихожей заказывался в Италии, а витражные стекла – в Женеве. Ремонт и перепланировку кухни делали два года назад, так что холодильник и другая техника почти новые. Ужин на двадцать человек можно приготовить без всяких проблем. Пол провел будущих хозяев через большую спальню, ванную, а потом и остальные комнаты, заметив, что глаза потенциальных покупателей задержались на ручной лепнине и оштукатуренных стенах. На первом этаже он позволил им осмотреть персидский ковер под столиком вишневого дерева в гостиной, кленовые панели и лампу от «Тиффани» в библиотеке.

– А мебель входит в названную вами цену? – поинтересовался старший администратор «Глаксо».

Пол кивнул и деликатно вышел. Из библиотеки доносился взволнованный шепот супругов.

Уже на пороге они задали вопрос, которого хозяин давно ждал:

– Почему вы решили продать дом?

Пол помнил, как посмотрел в глаза будущему хозяину, понимая, что тот спрашивает не из праздного любопытства. Цена, которую запрашивал Фланнер, была смехотворной, даже если бы дом продавался без мебели.

Можно было сказать, что он развелся и дом стал слишком велик для него одного или что здание подходит для людей помоложе, которых не пугает крутая лестница. Или что он решил купить или построить новое жилье. Или что он выходит на пенсию, а за домом некому следить.

Только ни один из этих предлогов не соответствовал истине. Пол Фланнер посмотрел прямо в глаза старшему администратору «Глаксо».

– А почему вы его покупаете? – ответил он вопросом на вопрос.

Голос Пола звучал дружелюбно, но молодой мужчина замешкался и вопросительно взглянул на жену, невысокую миловидную брюнетку чуть за тридцать. Ее муж, красивый и очень уверенный в себе, держался неестественно прямо. Казалось, он не понимает смысла заданного вопроса.

– Именно о таком доме мы и мечтали, – просто ответила молодая женщина.

Пол кивнул. Когда-то, еще шесть месяцев назад, он думал точно так же.

– Надеюсь, вы будете здесь счастливы, – искренне пожелал он.

Через секунду супруги ушли. Пол помахал им на прощание, но, закрыв дверь, почувствовал, что горло сжимается. В молодом супруге он узнавал самого себя много лет назад. Так почему же на глаза наворачиваются слезы?

Шоссе тянулось вдоль Смитфилда, Голдсборо и Кинстона, небольших городков, разделенных милями хлопковых и табачных полей. Пол вырос в этих краях на небольшой ферме под Уильямстоном, так что этот пейзаж был знаком ему с самого детства. Машина летела мимо покосившихся амбаров и коттеджей, на голых ветвях дубов ярко вспыхивали гроздья омелы. Длинные ряды стройных сосен отделяли одно землевладение от другого.

В Нью-Берне, небольшом городке на слиянии рек Ньюс и Трент, Пол остановился, чтобы перекусить. Купив в закусочной сандвич и кофе, он, несмотря на холод, устроился на скамейке рядом с отелем «Шератон», стоявшим у пристани. Яхты и парусные лодки тихо покачивались на волнах.

От дыхания Пола шел пар. Доев сандвич, он снял крышку с бумажного стакана. Кофе был горячим, и, пока он остывал, Фланнер стал вспоминать события, так круто изменившие его судьбу.

Его жизнь никогда не была легкой. Мама умерла при родах, и он стал единственным сыном фермера, который едва сводил концы с концами. Вместо того чтобы гонять мяч или

ловить окуней с приятелями, Полу приходилось пропалывать грядки и собирать червей с табака по двенадцать часов в день под палящим южным солнцем. Как и все дети, он иногда жаловался, хотя чаще послушно выполнял свои обязанности. Мальчик понимал, что без его помощи отцу не обойтись. Отец был хорошим человеком, добрым и терпеливым. Как и большинство мужчин в тех краях, он почти всегда молчал и говорил только, когда его о чем-то спрашивали. В их доме было тихо, как в церкви. Кроме обычных вопросов о том, как дела в школе, за столом во время ужина царила тишина, прерываемая лишь позвякиванием ложек о тарелки. После мытья посуды отец уходил в гостиную изучать отчеты с полей, а Пол погружался в чтение. Телевизора не было, а радио включали лишь для того, чтобы узнать прогноз погоды.

Они были бедны, и пусть Пол всегда ел досыта и имел собственную комнату, ему иногда было неловко из-за поношенной одежды или от того, что он не может пойти в кафе и купить колы с пирожными, как другие дети. Над ним часто смеялись, но мальчик делал вид, будто ничего не замечает. Пол старался получать хорошие отметки, чтобы выделиться хоть в учебе. Год за годом он приносил домой пятерки, а отец, несмотря на гордость за успехи сына, всегда грустил, просматривая табель, словно понимал, что очень скоро мальчик уедет с фермы и больше не вернется.

Упорство, приобретенное в детстве, сослужило Полу добрую службу. Он считался лучшим учеником на потоке и отличным спортсменом. Когда в старших классах юноша оставил футбольную команду, тренер посоветовал ему заняться бегом. Пол понял, что хороший результат – плод трудолюбия, а не таланта, и начал вставать в пять утра, чтобы успеть на дополнительную тренировку. Результаты не заставили себя долго ждать: молодой Фланнер поступил в Университет Дьюка, получив грант за спортивные достижения, и все четыре года был лучшим бегуном вдобавок к отличной учебе. В качестве профилирующих предметов юноша выбрал химию и биологию, а по окончании получил диплом с отличием. В год выпуска Пол стал третьим в национальном чемпионате по бегу.

После соревнований он подарил медаль отцу и сказал, что посвящает свою победу ему.

– Нет, – покачал головой отец, – ты сделал это для самого себя. Надеюсь, ты бежал к заветной цели, а не просто от незавидного прошлого.

Ночью Пол не мог заснуть и смотрел в потолок, пытаясь понять, что имел в виду отец. Да, он бежал к своему будущему, к лучшей жизни, к финансовой стабильности! Только так он сможет заботиться об отце и помогать ему. Папа будет счастлив и перестанет беспокоиться о завтрашнем дне.

В феврале, за несколько месяцев до окончания университета, Пола приняли в медицинскую школу Вандербильта. Юноша приехал к отцу, чтобы поделиться радостью. Фланнер-старший поздравил сына, но ночью, когда Пол неожиданно проснулся и выглянул в окно, то увидел одинокую фигуру отца, стоявшего у изгороди.

Через три недели отец Пола Фланнера умер от инфаркта прямо на поле.

Смерть отца стала тяжким испытанием, и, чтобы отвлечься, Пол с головой окунулся в учебу. Сразу же после университета он стал заниматься в Вандербильте – сначала летом на курсах, а с сентября по три пары в день, нередко оставаясь на дополнительные занятия. Жизнь превратилась в серое расплывчатое пятно: Пол посещал лекции, делал лабораторки, а потом штудировал учебники до самого утра. Он бегал по пять миль в день, старательно засекая время, чтобы прогрессировать с каждым годом. Ночных клубов и баров молодой Фланнер сторонился, пропуская даже вечеринки, которые частенько устраивали спортсмены. Пол купил телевизор, но так и не распаковал его, а через год и вовсе продал. Девушек Пол стеснялся, однако его все же познакомили с Мартой, миловидной блондинкой из Джорджии, которая работала в библиотеке. Поняв, что приглашений на свидание от Фланнера не дождешься, Марта взяла инициативу в свои руки. Девушку пугал бешеный ритм

жизни Пола, и все же она приняла его предложение выйти за него замуж, и через десять месяцев молодые обвенчались. Приближались выпускные экзамены, поэтому о медовом месяце не могло быть и речи. Пол пообещал жене, что после окончания школы они куда-нибудь выберутся, однако поехать никуда не удалось. Через год родился их сын Марк, но Пол почти не подходил к ребенку, не менял пеленки и не укачивал перед сном.

Он по-прежнему целые дни был занят учебой, штудирова физиологию, сражаясь с химическими уравнениями и с блеском сдавая один экзамен за другим. Он стал лучшим выпускником и через три года перевез семью в Балтимор, куда его пригласили на работу в клинику Джона Хопкинса.

К тому времени Пол уже понял, что именно хирургия – его призвание. В других специальностях необходимы красноречие и обаяние. У Пола не было ни того, ни другого. В хирургии же все обстоит иначе: опыт врача интересует больных гораздо больше, чем умение общаться, а у доктора Фланнера хватало уверенности, чтобы побороть страх перед операцией, и опыта, чтобы сделать то, что от него требовалось. Дела стремительно пошли в гору. Два последних года в ординатуре Пол работал по девяти часов в неделю, хотя, как ни странно, усталости не чувствовал.

После ординатуры Фланнер вступил в общество специалистов по челюстно-лицевой хирургии и перевез семью в Роли, где на паях с другим доктором купил практику. Переезд совпал с периодом бурного роста населения города. Пол был единственным врачом такого класса в округе, и число его пациентов быстро увеличивалось. В тридцать четыре он выплатил кредит за обучение в медицинской школе, а в тридцать шесть уже активно сотрудничал со всеми крупными больницами округа и медицинским центром Университета Северной Каролины. В медицинской клинике он вместе с докторами из центра Майо участвовал в проекте по изучению нейрофибр. Через год в «Медицинском вестнике Новой Англии» появилась статья доктора Фланнера, посвященная исправлению расщепленного нёба, а еще через четыре месяца – статья о гемангиомах, открывшая новый способ их устранения у детей. Профессиональный авторитет Пола рос, а после успешной операции, которую он сделал дочери сенатора Нортон, пострадавшей в автомобильной катастрофе, его фотографию напечатали на обложке «Уоллстрит джорнал».

В дополнение к реабилитационным операциям Пол одним из первых в Северной Каролине занялся пластической хирургией, предвидя ее огромный потенциал. Практика быстро росла, и Фланнер почувствовал себя богатым. Он купил «БМВ», потом «мерседес», потом «порше» и еще один «мерседес». Они с Мартой построили дом своей мечты. Пол стал приобретать акции открытых инвестиционных фондов, но, поняв, что не разбирается в тонкостях обращения ценных бумаг, нанял финансового аналитика. После этого каждые четыре года его состояние удваивалось. Когда стало ясно, что заработанного не потратить за всю жизнь, капитал начал ежегодно утраиваться.

И все же Пол продолжал работать. Операции проводились не только в будни, но и по субботам, а в воскресенье он обычно изучал литературу. Когда Фланнеру исполнилось сорок пять, его партнер, не выдержав такого бешеного темпа, ушел в другое место.

Несколько лет после рождения сына Марта говорила о втором ребенке, однако со временем все реже возвращалась к этой теме. Она заставляла Пола брать отпуск, да только делал он это с такой неохотой, что Марта стала ездить одна, а Пол оставался дома. Фланнер-старший старался участвовать в жизни сына, однако делал это эпизодически.

Пол убедил себя, что работает во имя семьи, или ради Марты, которая поддерживала его в трудные времена, или ради будущего Марка, или ради памяти отца. И только в глубине души он знал, что делает все для себя самого.

Оглядываясь на прошлое, Пол думал, что самое большое огорчение было связано с Марком. Несмотря на нехватку отцовского внимания, парень решил стать доктором. Когда

сына зачислили в медицинскую школу, Фланнер пустил слух в медицинских кругах, что сын скоро станет его коллегой. Теперь они смогут проводить вместе больше времени! Пол пригласил сына в ресторан, чтобы убедить его заняться хирургией, но Марк только покачал головой.

– Это твоя стихия, – проговорил он. – Меня такая жизнь не устраивает. Если честно, мне тебя жаль.

Фланнер-старший был уязвлен. Они поссорились, сын упрекнул отца в бессердечии, Пол вспылil, а Марк бросился вон из ресторана. Целых две недели Пол демонстративно не разговаривал с сыном, а тот не сделал ни единой попытки помириться. Недели превратились в месяцы. Поддерживая теплые отношения с матерью, Марк старался реже бывать дома, чтобы не встречаться с отцом.

Пол боролся с надвигающейся депрессией как мог: работал за троих, пробегал обычные пять миль в день, по вечерам изучал финансовые колонки в газетах. Когда он вслух размышлял о том, что нужно сделать, чтобы помириться с сыном, в глазах Марты появлялась грусть. Иногда ему страстно хотелось позвонить Марку, но он так и не сумел преодолеть собственную гордость. От жены Фланнер знал, что с сыном все в порядке. Марк решил стать семейным доктором и, проучившись несколько месяцев, уехал из страны работать в благотворительной организации. Как благородно! Однако Пол был уверен, что парень сделал это, желая оказаться подальше от него.

Через две недели после отъезда сына Марта подала на развод.

Если слова Марка были как удар ниже пояса, то решение жены больше напоминало холодный душ. Пол попытался поговорить с ней, но она и слушать ничего не хотела.

– Разве я тебе нужна? – спросила Марта. – Мы стали совсем чужими.

– Я могу измениться, – растерянно ответил Пол.

– Конечно, можешь, – улыбнулась она. – Только ты должен сделать это по собственному желанию, а не под моим давлением.

Следующие две недели Пол прожил как в тумане. А еще через месяц после плановой операции умерла шестидесятидвухлетняя Джилл Торрельсон из Роданте, Северная Каролина.

Это ужасное событие стало началом конца, первой искрой пламени, в котором сгорело прошлое Пола Фланнера.

Допив кофе, Пол снова сел за руль и через сорок пять минут прибыл в Морхед-Сити. Затем он пересек мост через Бофор и направился на восток, к Кедровому острову.

Прибрежная долина поражала мирной красотой, и Пол снизил скорость, чтобы растянуть удовольствие. Жизнь здесь текла совершенно по иному руслу. Ехавшие навстречу люди приветливо ему махали, а старики, чинно сидевшие у заправки, казались весьма довольными собой и всем происходящим.

В полдень Фланнер уже плыл на пароме к Оркароку, деревушке у южной оконечности Дальней Отмели. Кроме «тойоты» Пола, на пароме было еще четыре машины, и за два часа путешествия он встретил всего несколько попутчиков. Переночевав в таверне Оркарока, Пол проснулся с первыми лучами солнца, быстро позавтракал и отправился гулять по деревне. Местные жители готовили дома к приближению шторма.

Нагулявшись, Пол побросал сумки в машину и двинулся на северо-восток, к месту назначения.

Дальняя Отмель казалась странной и таинственной. Поросшие травой дюны и склонившиеся к воде дубы делали пейзаж совершенно особенным. Когда-то на острове отсутствовали элементарные коммуникации, и местным жителям приходилось добираться домой

пешком через дюны. Но в середине пятидесятых построили дорогу, и сейчас следы шин виднелись у самой воды.

Небо немного расчистилось, облака быстро неслись к горизонту, и сквозь них проглядывало солнце, ярко озарявшее дюны. Шум мотора то и дело заглушал рев океана.

В это время года на Дальней Отмели всегда пустынно, и на дороге не было ни одной машины. В полном одиночестве Пол стал думать о Марте.

Бракоразводный процесс закончился несколько месяцев назад. Все прошло довольно мирно. Пол знал, что у Марты кто-то есть. Наверняка мужчина появился еще до начала развода. Хотя, какая разница! В эти дни все потеряло смысл.

Когда Марта уехала, Пол решил работать поменьше, пытаясь разобраться в происходящем. Прошло несколько месяцев, а он вместо того, чтобы вернуться к нормальному графику, сократил его еще больше. Фланнер по-прежнему пробегал пять миль в день, а вот финансовая аналитика его больше не привлекала. Почти всю свою жизнь он спал не более шести часов в сутки, зато теперь, как ни странно, чем больше отдыхал, тем больше уставал.

Одно время Полу казалось, что все его мечты исполнились. Он бежал и бежал, пока не достиг вершины успеха. Только теперь он понял, что напрасно не прислушался к совету отца. Всю жизнь он убегал от себя, а не стремился к какой-то цели, и лишь сейчас понял: все усилия и жертвы оказались напрасными.

В пятьдесят четыре года он остался совсем один. Апатично глядя на серую полосу асфальта, Пол Фланнер пытался понять, куда же он так торопился.

Путешествие подходило к концу. Пол переночевал в небольшом мотеле. Утром он уже въезжал в Роданте, нетерпеливо оглядываясь по сторонам. В центре городка, если его можно так назвать, находилось несколько магазинов, в которых продавалось абсолютно все. В супермаркете бытовая техника и рыболовные снасти располагались на соседних полках с продуктами, а на заправочной станции, помимо бензина, торговали еще шинами и запчастями.

Спрашивать дорогу не пришлось, и через несколько минут Пол свернул с шоссе на гравийную дорожку, размышляя о том, что гостиница в Роданте оказалась лучше, чем он мог себе представить. Это было здание в викторианском стиле с черными ставнями и гостеприимно распахнутыми дверями. На широких перилах цвели в горшках анютины глазки, на ветру плескался американский флаг.

Захватив сумки, Фланнер поднялся по ступенькам и вошел в дом. Побелевшие от времени сосновые половицы кто-то старательно натер мастикой. Было очень уютно, без малейшего налета чопорности. Пройдя по коридору налево, Пол оказался в гостиной с большими окнами и камином. Почувствовав запах свежего кофе, он заметил небольшое блюдо с печеньем, наверняка испеченным ради его приезда. Направо от входа обычно находится кабинет владельца. Туда Пол и направился.

Он увидел небольшую конторку, но за ней никого не было. В углу лежали ключи от комнат, а брелками служили маленькие статуи маяка. Фланнер позвонил, чтобы привлечь к себе внимание. Немного подождав, позвонил снова и на этот раз услышал тихий всхлип.

Станный звук доносился откуда-то из глубины дома. Оставив вещи в кабинете, Фланнер прошел на кухню. На столе стояли нераспакованные пакеты с продуктами.

Служебная дверь оказалась открытой, и, скрипя половицами, Пол вышел на террасу.

Слева стояли два кресла-качалки, между ними – маленький стол, а справа Фланнер увидел источник странного звука.

Женщина смотрела на океан. На ней, как и на Фланнере, были потертые джинсы, но, будучи хорошо знакома с местным климатом, она надела толстый свитер. Светло-каштановые волосы были убраны назад, ветер трепал несколько выбившихся прядей. Услышав скрип

половиц, незнакомка испуганно обернулась. Над морем вилась целая стая крачек, а на широких перилах остывала чашка кофе.

Пол смущенно отвел глаза, но тут же снова взглянул на женщину. Несмотря на слезы, она была очень миловидной и без тени кокетства. Именно это, как впоследствии вспоминал Фланнер, стало первым, что привлекло его в ней.

Глава 4

Аманда удивленно смотрела на мать.

Адриана замолчала, задумчиво глядя в окно. Дождь прекратился, однако небо оставалось сумрачным. Тишину нарушал лишь негромкий гул холодильника.

– Зачем ты мне это рассказываешь?

– Мне кажется, тебе будет полезно узнать, как все произошло.

– Но зачем? Какое отношение этот мужчина имеет ко мне?

Вместо ответа Адриана аккуратно открыла бутылку вина и налила себе и дочери.

– Может понадобится, – усмехнулась она.

– Что?

Адриана пододвинула к себе бокал.

– Помнишь, как я ездила в Роданте? Когда Джин попросила меня присмотреть за гостиницей?

Аманда вспомнила не сразу.

– Когда я училась в старшей школе?

– Да.

Когда мать заговорила снова, заинтригованная Аманда непроизвольно потянулась за вином.

Глава 5

Хмурым зимним днем, кажется, в четверг, Адриана стояла на заднем крыльце гостиницы. Чашка дымящегося кофе согревала пальцы, и женщина думала, что с каждым часом штормит все сильнее. Вода приобрела стальной оттенок, как корпус старого военного корабля, а на гребнях волн появились барашки.

Иногда она жалела, что приехала. Адриана согласилась не только, чтобы помочь подруге, но и в надежде, что смена обстановки пойдет ей на пользу. Она просчиталась. Во-первых, подвела погода – весь день по радио предупреждали о надвигающемся с северо-востока шторме. Просидеть несколько дней взаперти, без электричества – не самая радужная перспектива. А еще неприятнее оказалось то, что, несмотря на шторм, пляж вызывал ностальгические воспоминания об отпуске и той счастливой поре, когда казалось, будто жизнь удалась.

Долгое время Адриана считала себя счастливой. Когда они познакомились, Джек только что поступил в юридическую школу. Их находили очень красивой и гармоничной парой – высокий стройный брюнет Джек и темноволосая синеглазая Адриана. Тогда она была значительно стройнее, чем сейчас. Их свадебная фотография долгое время висела в гостиной над камином. В двадцать восемь она родила первенца, а в следующие три года – еще двоих. Как и многие женщины, Адриана с трудом обретала форму после родов. Однако она упорно занималась собой и, хотя к прежним размерам так и не вернулась, выглядела замечательно.

Адриана была счастлива! Ей нравилось готовить и вести хозяйство. Семья посещала церковные службы, а в доме часто бывали гости. Когда дети пошли в школу, мать следила за их уроками, не пропускала родительских собраний, помогала проводить занятия в воскресной школе и вести внеклассную работу. Сколько часов она просидела на детских концертах, матчах по футболу и бейсболу! Адриана учила всех троих детей плавать и до сих пор смеялась, вспоминая выражение их лиц, когда они впервые попали в Диснейленд. На сороковой юбилей жены Джек устроил вечеринку в местном кантри-клубе. Собралось почти двести человек, все веселились от души, но, вернувшись домой, Адриана отметила, что Джек уже не смотрит, как она раздевается. Он просто выключил свет и притворился спящим.

Теперь она понимала, что это должно было ее насторожить. А вот тогда Адриана не придавала этому особого значения, с тремя детьми времени на долгие размышления обычно нет. Кроме того, временные охлаждения отношений неизбежны. Она была замужем достаточно долго, чтобы это знать, и ждала, что со временем все наладится. Этого не произошло. Уже через год отношения с мужем начали беспокоить Адриану. Она стала частенько бывать в книжном, подыскивая литературу, которая помогла бы что-то изменить. Адриана ловила себя на том, что с нетерпением ждет старости, когда жизнь войдет в более спокойное русло. Наверное, здорово быть бабушкой, да и у Джека появится больше свободного времени. Может быть, их отношения снова потеплеют.

Примерно тогда она и застала Джека в ресторане с Линдой Гастон. Адриана знала, что Линда работает вместе с Джеком в Гринсборо. Хотя Гастон специализировалась на недвижимости, а Джек – на общей юриспруденции, время от времени у них появлялись совместные дела. Так что обед еще ничего не значил. Адриана даже улыбнулась, глядя на них в окно ресторана. Хотя Линда и не была близким другом Джека, она несколько раз приходила к ним в гости. Они с Адрианой отлично ладили, несмотря на то что Линда была на десять лет моложе и не замужем. Только войдя в ресторан, Адриана заметила, что Джек и Линда дергаются за руки.

Несколько секунд она пребывала в растерянности, не зная, на что решиться. Вместо того чтобы устроить скандал, Адриана бросилась прочь из ресторана прежде, чем ее заметили.

Дома она приготовила любимое блюдо Джека и ни словом не обмолвилась об увиденном. Адриана вела себя, будто ничего не случилось, а со временем смогла убедить себя, что поторопилась с выводами. Возможно, у Линды проблемы, а Джек ее утешал – очень на него похоже. Может быть, это просто всплеск эмоций, сиюминутный порыв, который удалось сдержать.

Естественно, все обстояло иначе. Брак начал разрушаться, а через несколько месяцев Джек попросил развод. Он полюбил Линду и надеялся, что Адриана все поймет. Адриана не поняла и заявила об этом мужу, но когда ей исполнилось сорок два, Джек переехал к Линде.

Теперь, три года спустя, он хотел вернуться, однако Адриана возражала. Они оформили совместную опеку над детьми, но она была совместной лишь формально. Джек поселился в Гринсборо, так что дети почти постоянно жили с матерью. Адриана не возражала, хотя иногда воспитывать их в одиночку становилось невмоготу. Вечерами она без сил падала в постель, а потом не могла уснуть, мучаясь вопросами, которые не давали ей покоя.

Адриана никому об этом не говорила, и все же иногда она думала, что, если Джек снова захочет вернуться, она скорее всего примет его.

Она ненавидела себя за слабость, но что ей оставалось?

Адриана не хотела такой жизни и ждала совсем другого. Адриана считала, что заслужила большего. Она ведь играла по правилам и выполняла все обязательства. Целых восемнадцать лет она хранила верность мужу. Она не сердилась, когда он приходил домой пьяным, варила кофе, когда он работал допоздна, и ни слова не говорила, когда по воскресеньям он отправлялся играть в гольф вместо того, чтобы заниматься с детьми.

Неужели ему нужен только секс? Конечно, Линда моложе и привлекательнее. Но разве ради этого можно обо всем позабыть? Неужели дети ничего не значат? А она сама? А восемнадцать лет вместе? Нельзя сказать, что секс ее тяготил. В последнее время близость инициировала именно она. И если возникли проблемы с потенцией, то почему Джек не обратился к доктору?

Неужели она стала неинтересна собственному мужу? Естественно, после восемнадцати лет совместной жизни удивить друг друга стало сложно. Все истории были давным-давно пересказаны, и супруги научились понимать друг друга с полуслова. Все шло своим чередом: Адриана спрашивала, как дела на работе, а Джек – как прошел день и что нового у детей. Они обсуждали многочисленных родственников и городские новости. Иногда говорить было и вовсе не о чем, но ведь через несколько лет то же самое произойдет и с Линдой. Неужели Джек этого не понимает?

То, что сделал муж, несправедливо! Друзья утешали, как могли, и Адриана решила, что они на ее стороне. Возможно, так и было, хотя их поддержка порой принимала странный вид. Месяц назад старые друзья пригласили ее на Рождество, а среди гостей оказались Джек с Линдой. Это было вполне в духе южной провинции – у людей очень короткая память, однако Адриана по-прежнему чувствовала себя обманутой.

Кроме обиды на мужа и друзей, угнетало одиночество. После Джека у нее не было ни одного мужчины. В Роки-Маунте холостяков раз, два и обчелся, а те, что были, ее не интересовали. У большинства из них были дом и дети, а Адриана чувствовала, что просто не в силах нести бремя еще чьих-то забот. С самого начала она решила быть очень осторожной и нарисовала портрет идеального кандидата. Ее новый избранник должен быть умным, добрым, обаятельным, а главное – понимать, что у нее трое детей-подростков. Хотя дети вряд ли стали бы помехой – они росли на удивление самостоятельными и понимающими. Так что она наверняка найдет себе кого-нибудь.

Боже, как она ошибалась!

За три последних года ее ни разу не приглашали на свидания, и Адриана стала думать, что все романы в прошлом. Если Джек может заводить интрижки и делить постель с кем-то другим, то для нее это просто невозможно!

Чуть позже появились финансовые трудности. Муж оставил ей дом и вовремя выплачивал алименты, но Адриане едва удавалось сводить концы с концами. Пока они были женаты, Джек неплохо зарабатывал, однако никаких сбережений не осталось. Как и большинство семей, они совершенно не экономили – покупали новые машины и ездили отдыхать. Когда появились телевизоры с большим экраном, они купили себе такой одним из первых в городе. Адриана была уверена, что Джек откладывает деньги, ведь именно он всегда проверял счета. К сожалению, все получилось не так, как она ожидала, и ей пришлось устраиваться на работу в библиотеку. Адриана беспокоилась о себе и детях, а за отца просто боялась.

Через год после ее развода с Джеком у отца случился инсульт, и он больше не мог себя обслуживать. Отец нуждался в постоянном присмотре и заботе, и Адриана нашла частный дом престарелых с отличными условиями, но за него тоже нужно было платить. Денег на счете оставалось на год, и что потом? На зарплату библиотекаря не проживешь! Джин попросила Адриану присмотреть за гостиницей, прекрасно понимая, как подруга нуждается в деньгах. На продукты Джин оставила более чем достаточно и в записке написала, что излишек Адриана может оставить себе в качестве платы за услугу. Адриана была очень благодарна, но принимать подачки было неловко.

Она беспокоилась за отца не только из-за денег. Иногда Адриане казалось, что он единственный, кто ее понимает. Она в нем нуждалась, особенно сейчас. Рядом с ним было так спокойно, и Адриана приходила в отчаяние при мысли, что скоро останется совсем одна.

Что же будет с отцом? Что будет со всеми ними?

Адриана покачала головой, прогоняя мрачные мысли. Она не станет об этом думать, особенно сейчас. Джин предупредила, что забот будет немного – ожидался один-единственный постоялец. Адриана надеялась, что сможет хоть немного расслабиться. Хотелось погулять по пляжу, прочитать пару романов, давно ждавших своего часа на полке, выспаться и посмотреть на дельфинов. Адриана надеялась, что сможет обрести покой, однако, стоя на заднем крыльце гостиницы в Роданте, она по-прежнему ощущала груз забот. Она уже не молода, совсем одна и устала настолько, что бороться нет никаких сил. Дети страдают, отец болен, а она не знает, на что решиться.

Адриана заплакала, а через несколько минут услышала скрип половиц. Испуганно подняв голову, она впервые увидела Пола Фланнера.

Пол видел чужие слезы тысячи раз, но чаще всего в стерильных стенах своей приемной, куда входил после операции, не снимая бахил и маски. Маска служила своего рода щитом, защищающим его от эмоций и переживаний. Он научился держать чувства под контролем и даже не помнил лиц тех, кто заглядывал ему в глаза, ища поддержку. Не то чтобы Фланнер этим гордился, просто раньше был именно таким.

А в этот момент, посмотрев в покрасневшие глаза женщины, Пол почувствовал, что попал на неизвестную территорию. Первой мыслью было отгородиться, как и раньше. Однако в незнакомке оказалось нечто, что не позволяло оставаться сторонним наблюдателем. Возможно, все дело было в обстановке, но Пол ощутил прилив сочувствия, которое застало его врасплох.

Адриана не ждала постояльца так рано и теперь чувствовала себя очень неловко. Через силу улыбнувшись, она промокнула глаза, будто они слезились от ветра.

Посмотрев на гостя, она застыла в изумлении. Наверное, виной всему были его глаза, синие, почти прозрачные, но в них читалось напряжение, какое она еще не встречала.

«Он не чужой, – неожиданно промелькнула мысль у Адрианы, – он может стать другом, если я ему позволю».

Она тут же выбросила все это из головы, упрекнув себя за глупость. Конечно же, это просто посетитель, о котором ей рассказывала Джин. Не застав никого в приемной, он отправился искать ее, вот и все. Он любопытен, как и все незнакомцы, ни больше ни меньше.

Гость был не так высок, как Джек, наверное, метр восемьдесят, зато очень строен и подтянут. Свитер, явно купленный в дорогом магазине, совершенно не сочетался с потертыми джинсами, зато сидел превосходно. Лицо казалось худым, а лоб изрезали морщины – явный признак тяжелой умственной работы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.